

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.03.01

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОЛИ ФОРТУНЫ НА ВОЙНЕ В АНГЛИЙСКИХ
И ФРАНЦУЗСКИХ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВВ.****Беляев А. Ю.**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. В данной статье приводится подробный разбор представлений о роли Фортуны в военных действиях у ряда знаковых мыслителей, хронистов и поэтов из Англии и Франции второй половины XIV – первой четверти XV вв. В отечественной научной литературе средневековый образ Фортуны подробно изучен, однако военный аспект рассматривается впервые. Он не вносит кардинальных изменений в классическую традицию, но содержит ряд нюансов, дополняющих современные исследования средневековых представлений о войне. Главным предметом исследования является особенности восприятия роли Фортуны при описании и осмыслении боевых действий. В качестве источников привлекаются трактаты по военному делу, а также исторические и литературные произведения. Автор статьи демонстрирует главную тенденцию и основные этапы формирования отношения к Фортуне. Общая логика состоит в нарастающем противостоянии человека своевольной удаче и его стремлении ограничить её влияние. В середине XIV в. под удар попадает надежда на случайное везение, вместо неё пропагандируются собственные усилия. Во второй половине столетия проявляется разделение положительных и отрицательных сторон Фортуны и возникают зачатки идеи противостояния её пагубному влиянию. Наконец, в начале XV в. полностью формируется осознанное стремление оградиться осторожностью от возможного невезения. Положительное и отрицательное влияние Фортуны сводится к минимуму, и в противостоянии с ними рождается характерное для эпохи Возрождения представление о творческой свободе человека. Главным двигателем в процессе формирования этого отношения выступают французские авторы, тогда как английские по большей части следуют в русле сложившейся традиции, перенимая новые изменения, но не создавая их.

Ключевые слова: история средних веков, военная история, история Англии, история Франции, Фортуна, средневековые трактаты, средневековое историописание.

Постановка проблемы

Средневековые представления о Фортуне хорошо известны исторической науке [4; 16]. За ними стоит долгая традиция, уходящая корнями в древнегреческую мифологию, к богине Тюхе, и прошедшая через периоды римского формирования [17], раннехристианской трансформации [11] и гуманистического обновления [3; 10]. Став неотъемлемой частью средневе-

ковой картины мира, Фортуна осталась в массе изображений, которым посвящены иконографические исследования [1; 2; 18]. И всё же отдельные аспекты восприятия Фортуны до сих пор остаются в тени. В таком деле, как война, представления о случайности, удаче и судьбе играют важнейшую роль, однако эта проблема не получила должного освещения в литературе. Данная статья написана с целью восполнения этого пробела. Источниковой базой служат французские трактаты о войне, а также английские художественные и исторические произведения второй половины XIV – первой четверти XV вв., наиболее бурного периода Столетней войны.

Фортуна в античной и средневековой традиции

Для понимания нюансов представлений конкретных авторов необходимо уяснить основные положения сложившейся традиции восприятия Фортуны. Первые римские храмы в честь богини удачи относятся ко временам Сервия Туллия [19, р. 399]. Её концепция начиналась как чистейшая абстракция, лишённая привязки к конкретной сфере бытовой жизни [17, р. 138]. Период распространения соответствует активной экспансии за пределы Апеннинского полуострова, когда встреча с неизведанным актуализировала проблемы фатализма и свободы воли [17, р. 132, 140-141]. Наивысшую популярность Фортуна приобрела во времена империи [17, р. 136], в том числе за счёт ослабления других культов. В многонациональном государстве её силой стала универсальность: это божество подходит всем людям, вне зависимости от имущественного положения, пола и возраста. Тогда же, переняв функции и атрибуты других божеств, Фортуна преобразилась в воплощение судьбы и удачи [17, р. 145].

Классическая традиция предопределила и ряд характерных черт Фортуны. Её знаменитые атрибуты – колесо или шар, реже повязка на глаза. Её характер – капризный и непостоянный. При этом ещё в Античности её власть была ограничена рамками материального мира [11, р. 39]. Именно поэтому Фортуна уцелеет в христианском мире и адаптируется к нему. Раннехристианское богословие боролось с ней, утверждая идею высшего плана, лишённого случайности [4, с. 175]. Но затем Фортуна стала важным элементом концепции Провидения [4, с. 178]. Повседневная жизнь вызвала в человеке закономерный скепсис по отношению к высшей Воле, рождающий спекуляции относительно господства случайности [17, р. 158]. Фортуна приняла на себя удары и стенания за отдельные несчастья, “прикрыв” собой веру в высший план [17, р. 169].

Заслуга “спасения” Фортуны принадлежит выдающемуся богослову V в. Северину Боэцию [11, р. 30]. Взяв от старой традиции отдельные детали, он вписал Фортуну в систему христианского мировоззрения, где она получила роль орудия Провидения [11, р. 31]. В XI-XIII вв. она пережила второй расцвет, это время стало пиком её популярности и развития иконографии [1, с. 160]. В XIV-XV вв. устоявшийся образ был значительно переосмыслен. Если раньше Фортуна представляла собой неумолимую силу, а её колесо обозначало неизбежность падения, теперь за её капризами видится разнообразие возможностей земной жизни [2, с. 141]. Эпоха Возрождения позволяет человеку ощутить себя в игре с Фортуной партнёром, а не игрушкой [4, с. 182]. Её иррациональность и непостоянство провоцирует его “проявлять свои потенциалы”, формируя идею свободной творческой инициативы [3, с. 55-56].

Середина XIV в. – начало переосмысления

Среди военных трактатов XIV в. целостное рассуждение встречается только в “Книге о рыцарстве” начала 1350-х. Её автор, знаменитый французский рыцарь Жоффруа де Шарни, затрагивая разные аспекты военного ремесла, уделяет Фортуне особое внимание. Он собирает все важные вопросы в одном месте [9, р. 493-496], чтобы лучше изложить её роль [9, р. 493, прим. 1]. В начале фрагмента звучит главная мысль – нельзя полагаться на дары Фортуны [9, р. 493, прим. 2]. Аргументация точь-в-точь повторяет устоявшуюся традицию: удача переменчива, везение когда-нибудь закончится. Шарни не конкретизирует дары, но создаёт противопоставление. По его мнению, Фортуна не может одарить чем угодно, лишь материальной выгодой, недолговечной в силу изменчивой природы дарительницы. Благо другого рода, долговечное и заслуженное, можно добыть только упорным трудом [9, р. 493, прим. 3]. Рыцарь уточняет срок длительности подобной награды: она может просуществовать ровно столько, сколько вообще дано существовать вещам из «этого», то есть земного мира [9, р. 494, прим. 4].

Шарни поясняет, что мудрый человек всеми средствами стремится к благородству (в широком смысле) и верности, поскольку они являются наивысшим благом [9, р. 493, прим. 6]. Репутация достойного человека несомненно более долговечна, чем единичный успех. Невезение не влияет на достоинство, а вот усердие его преумножает. Даже при наличии усердия можно потерпеть неудачу в достижении мудрости, храбрости, богатства, но не в достижении благородства и верности [9, р. 493, прим. 7]. Необходимым условием для сохранения даров является самообладание, сдержанность [9, р. 494, прим. 5]. Неразумные люди, по мнению Шарни, неправильно используют даже дары Фортуны. Они небрежно разбрасываются ими, поэтому не могут сохранить [9, р. 494-495, прим. 8]. Вместо прочного фундамента заслуженной репутации, положение таких людей покоится на зыбкой почве случайного везения. Результат очевиден – падение неизбежно [9, р. 495, прим. 9]. Рыцарь вновь слово в слово повторяет античную характеристику непостоянства Фортуны: она в любой момент может измениться [9, р. 494, прим. 10]. Недолговечность даров усугубляется не просто риском мгновенного исчезновения, а превращением в неудачи. Есть и конкретный вывод, связывающий теорию с практикой. Шарни разбирает победу слабого соперника над сильным [9, р. 494, прим. 11]. Это могло бы поколебать апологию упорного труда, однако стало её обоснованием. Рыцарь убеждён: объективно обоснованный порядок вещей будет восстановлен. Если слабый недобуданно продолжит натиск, рано или поздно его ждёт неудача и поражение [9, р. 494, прим. 12]. В стратегической перспективе победителем останется не баловень Фортуны, а более последовательный и лучше укрепивший свои силы.

Успех на длительном отрезке времени связан с усердием человека. Рыцарь педалирует значение настойчивости, принижая заслугу Фортуны: если кто-то пробился из самых низов, её расположения было бы недостаточно [9, р. 494, прим. 13]. Положительного влияния как будто не существует. Для Шарни есть только два условия истинного успеха: упорный труд и расположение Господа в награду за него. Непосредственная связь между ними не вызывает сомнений у автора. На этом и строится главный вывод, оберегающий молодых воинов от соблазна сэкономить усилия, положившись на Фортуну: как бы ни был низок статус человека, упорным трудом он добьётся всего в достатке [9, р. 495, прим. 14]. Рассчитывающий добиться успеха безо всяких усилий останется ни с чем [9, р. 495, прим. 15].

Фортуна непостоянна и недолговечна, как и её дары. Упорный труд позволит избежать “шаткого” положения, добиться чего-то длительного, прочного. В концепции иерархического подчинения Фортуны Всевышнему, её дары обладают изъяном по сравнению с Его дарами. Награда за труд более долговечна, её длительность приравнивается к сроку существования земного творения. Постулируется мысль о том, что эта награда – наивысшая из доступных в земной жизни. Однако Шарни пишет и о награде, выходящей за эти пределы, о награде для тела и для души [9, р. 495, прим. 16]. Проявляется главная мысль всего трактата, она выражена лишь один раз, зато прямо и недвусмысленно: достойным поведением на земле воин определяет свою судьбу на небе [9, р. 531, прим. 17]. Когда на кону такой выигрыш, не удивительно, что рыцарь призывает не беспокоиться о потере хозяйства, отправляясь в поход [9, р. 482, прим. 18] – всё будет возмещено с лихвой. Столь жёсткая связь между земными делами и небесной наградой сводит к минимуму значение Фортуны. Шарни представляет её соблазном, путающим и мешающим на пути к возвышенной цели. В этом состоит главное отличие от общей традиции, отводящей Фортуне роль орудия Провидения. Здесь она занимает уничижительное место. Шарни не отрицает её влияние, он сознательно противодействует ему, что не имело бы смысла, считай он его эфемерным. Он наносит удар по «положительной» стороне Фортуны, по её дарам. В попытке сокрушить возможные надежды, остаётся без внимания реальная опасность – банальное невезение. Точка зрения Шарни не является общепринятой. Его взгляд – исключительный, даже идеализированный. Но он не был изгоем, а пользовался авторитетом в своём кругу. Его текст, пусть и в гипертрофированной форме, отражает представления рыцарства того времени.

Англичане редко упоминают её. Лоуренс Майнот, поэт первой половины XIV в., воспевая войны с французами и шотландцами, нигде не пишет о Фортуне [15]. Он использует обезличенное понятие случая – “chance”. В хронике Томаса Грэя, английского рыцаря, служившего на шотландской границе, есть много подробностей военных действий первой и второй трети XIV в. Хоть автор не уступает Шарни в знании военного дела, у него тоже нет ни слова о Фортуне, только понятие “aventure”, синонимичное “chance”. В военном контексте оно употребляется в двух значениях: 1) желание испытать удачу в походе [14, р. 169, прим. 19]; 2) в обороте “aventure de geste” отражён свойственный войне элемент случайности [14, р. 179, прим. 20]. Подобную ситуацию можно встретить в анонимной поэме о сэре Гавейне и Зелёном рыцаре последней трети XIV в. Её автор часто пользуется понятием “aventure” и лишь один раз – “fortune”. Её упоминание в положительном ключе, в надежде на благоприятное расположение [20, р. 4, прим. 21], скорее литературный приём, нежели отсылки к классическому представлению. Может показаться, что идеи Шарни, вопреки его гибели, краху его покровителя Иоанна II Доброго и их совместных рыцарственных начинаний, оставили парадоксальный след в английской традиции, где Фортуна как будто начала сходить со сцены. В исторических и литературных текстах она появляется редко, вместо неё используют нейтральные понятия, сужая их смысл до случайности или везения.

Конец XIV в. и рубеж веков – развитие и завершение трансформации

Французские трактаты последней трети XIV в. сохраняют Фортуну, но уделяют ей меньше места. Их традиции базируются на труде итальянского юриста Джованни Леньяно “О войне, репрессалиях и поединках” 1360 г. Несмотря на широкий охват сюжетов, автора больше интересовали правовые и теологические аспекты войны. Фортуна упоминается лишь один раз, в стороннем вопросе. Разбирая правила проведения судебных поединков, Леньяно рассуждает, можно ли заменить оружие, если оно сломалось или выпало из рук [13, р. 191]. Автор приводит разные точки зрения и предлагает своё решение: сломанное оружие допустимо менять, а выпавшее из руки – нет. По сути, поединок является испытанием везения, ведь противники, как правило, не равны по силам. Однако предполагается, что слабый может победить вопреки ожиданиям, иначе процедура теряет смысл. Вмешательство Фортуны может даровать победу правому, а не сильному. На этом и построена идея суда поединком. Если оружие выпало из руки, это и есть приговор той самой случайности [13, р. 191, прим. 22]. Предоставить второй шанс было бы так же абсурдно, как возратить к жизни убитого, чтобы он сражался снова [13, р. 191, прим. 23]. Признавая за Фортуной роль арбитра, автор следует общей традиции и видит в ней инструмент Провидения. Но единичное упоминание говорит о том, что в представлениях о военной организации и этике превалируют факторы рациональные (мудрость и опыт) или религиозные (Божья воля). Фортуна находится в стороне от “больших дел”, отвечая лишь за мелкие происшествия, вроде выпавшего из рук оружия.

На французскую почву идеи Леньяно перенёс его современник, клирик Оноре де Бове в трактате “Древо битв”. Текст фактически является адаптированным пересказом латинского первоисточника с комментариями и наставлениями. Фортуна упоминается чаще, чем у Леньяно, и в разном контексте. В примерах из древней истории Бове повторяет классическую традицию. Он пишет о непостоянстве Фортуны, которой свойственно как возвышать, так и низвергать [5, р. 64, прим. 24]. Даже лучшие правители, полководцы и воины беззащитны перед ней [5, р. 65, прим. 25]. Здесь нет связи с Провидением, Фортуна предстаёт в максимально античной форме – беспощадной, слепой богини. На фоне античных героев такой её облик наиболее уместен. Разумеется, в ветхозаветных примерах действует только Божья воля, там нет и не может быть языческих сил. Однако в классической христианской схеме Фортуна не существует без Господа, её самостоятельность невозможна. Непременно подчёркнуто, что Он определяет исход событий. Здесь же действует простой закон сочетаемости: античное к античному, quae sunt Dei Deo. Бове позволяет себе, не отрицая значимости Фортуны, использовать её для создания эстетического образа, отделяя от высшей цели и выхолащивая.

На этом обращения к Фортуне не заканчиваются. Автор вводит две характеристики: положительную [5, р. 50, прим. 26] и отрицательную [5, р. 50, прим. 27]. Если у Шарни она фигурировала сама по себе, Бове добавляет определение и выделяет наличие “доброй” и “дурной” Фортуны. Заданного отношения к ней нет, но важен факт разделения двух её “ликов”, признание как преимуществ, так и недостатков её влияния. И если первые уже были “осуждены” Шарни, то ко вторым негативное отношение ещё не сформировалось. Его зачатки можно увидеть в самом конце трактата. Клирик пишет, что правитель может быть удачлив на войне и в других делах, если обладает должной осторожностью [5, р. 254, прим. 28]. Показателен недвусмысленный намёк на связь между рациональным качеством и непредсказуемой силой. Зарождается идея влияния на Фортуну через уменьшение её дурного влияния, хотя впрямую об этом речь не идёт. Осознанным поведением, по мнению Бове, можно обеспечить себе военный успех, невзирая на своеволие Фортуны.

В английских источниках конца XIV в. существенного развития представлений о роли Фортуны нет. Как правило, прежние идеи повторяются без изменений. В песне герольда Чандоса, посвящённой жизни Чёрного Принца, Фортуна не упоминается на войне. Для обозначения военной удачи используется то же “aventure” [6, р. 15, 74], наряду с упоминанием Господа в подтверждение зависимости от Его воли. В “Кентерберийских рассказах” знаменитого поэта Джеффри Чосера, Фортуна встречается часто, но без связи с Провидением [7, р. 27, прим. 29, р. 54, прим. 30]. В истории рыцаря они даже противопоставляются [7, р. 37, прим. 31]. В хронике анонимного капеллана под названием “Деяния Генриха V” военное упоминание единично – в качестве причины попадания короля в плен [12, р. 138, прим. 32]. Когда клирик наделяет событие глубоким символизмом, отсутствует даже намёк на Фортуну. В таких важных вопросах подчёркивается предопределённость, немислимость неверного исхода [7, р. 78, прим. 33]. В битве при Азенкуре, центральном сюжете похода, не может быть слепой удачи, только Божья воля.

В хронике английского монаха XV в. Томаса Уолсингема можно найти наиболее разнообразные, но не оригинальные упоминания Фортуны. Текст полностью соответствует сложившейся традиции, как в военном деле, так в мирной жизни. Вне войны Фортуна чаще всего сопровождает стихийные бедствия, главным образом, штормы в открытом море. В связи с войной Уолсингем использует несколько её эпитетов. Дословно они означают “военная Фортуна”: в одном случае “fortuna militiae” [21, р. 321, прим. 34], в другом – “fortuna Martis” [21, р. 164, прим. 35]. Античная отсылка в данном случае не обоснована контекстуально, и объясняется, скорее всего, исключительно эрудицией автора. Упоминается испытание удачи в бою [21, р. 397, прим. 36], которое было и в других текстах. Автор при этом уверен, что не Фортуна определяет победителя, а Господь [21, р. 426, прим. 37]. В его словах присутствует и намёк на её подчинение некоему замыслу, например, ради осуществления справедливости [21, р. 374, прим. 38].

Существенное изменение в восприятии Фортуны содержит трактат образованной французской дамы Кристины Пизанской “О военных подвигах и о рыцарстве” (1410 г.). Она оформила те идеи, которые ранее были осторожными намёками, придав цельность отношению к военной Фортуне. Хотя её упоминания разбросаны по тексту, их можно собрать воедино и восстановить главный вывод. Она пишет, что исход битвы зависит от Фортуны, и предсказать его невозможно [8, р. 266, прим. 39]. В тексте не сказано, что сама Фортуна зависит от Бога, апелляция к Нему вообще гораздо меньше, чем у предшественников. Поскольку Фортуна непредсказуема, закономерна мысль об осторожной оценке соперника [8, р. 177, прим. 40]. Лишь неумелый полководец будет винить её в своих ошибках [8, р. 217, прим. 41]. Невооружённым глазом видно, что автор предписывает военачальнику предельную бдительность, ввиду абсолютной непредсказуемости Фортуны, которая своим вмешательством может нарушить любые планы. Ослабить это пагубное влияние можно только при внимательном отношении к делу. Кристина Пизанская использовала трактат Бове в качестве одного из основных источников для своего труда, поэтому его идея нашла у неё своё продолжение. Она конкретизирует ту самую осторожность, которой завершается “Древо битв”.

Осторожность в трактате упоминается не единожды, она является главным критерием оценки действий командующего. Подчёркивается необходимость бережно относиться к самому себе, не подвергаясь излишней опасности. Целую главу автор посвящает вопросу о том, может ли правитель (он же зачастую и командует всем войском) лично участвовать в сражениях [8, р. 180-183]. Вопреки сложившейся традиции, Кристина Пизанская считает, что делать это без крайней необходимости неразумно, потому что, рискуя своей жизнью, правитель ставит под угрозу судьбу своих подданных и всего королевства. В случае смерти короля, страна может погрузиться в смуту, которой непременно воспользуются её враги. В тексте есть намёк на то, что подобные рассуждения вдохновлены прежде всего неудачей французской армии при Пуатье в 1356 г., участием короля Иоанна II Доброго вместе с его приближёнными (включая и Жоффруа де Шарни). В отличие от рыцаря, который пытался отучить полагаться на поддачи Фортуны, Кристина Пизанская обращает свои силы на то, чтобы научить, как минимизировать возможные потери из-за невезения. Для неё вопрос сокращения рисков – самый главный и в наибольшей степени влияющий на восприятие Фортуны, добавляющий к нему новый приоритет по сравнению с предшественниками.

Другой аспект, в котором следует проявлять повышенную внимательность хорошему полководцу – это состояние его людей. Кристина Пизанская советует не ограничиваться отслеживанием состояния всего войска, но со вниманием относиться к каждому воину [8, р. 213, прим. 42]. Не случайно она также пишет, что выгоднее иметь меньше людей, но обученных и вооружённых, чтобы избежать неприятных сюрпризов в ходе боя [8, р. 191-192, прим. 43]. Однако и в отношении внезапного везения также следует быть очень чутким. Если так случилось, что войскам улыбнулась удача, и они одерживают верх над противником, следует, не ослабляя натиск, преследовать врага, пока он не будет окончательно разбит [8, р. 261, прим. 44]. Если же поначалу ситуация сложилась в пользу противника, нужно пристально наблюдать за его действиями, ведь он может допустить ошибку, и Фортуна переменится [8, р. 263, прим. 45].

Выводы

Отношения Кристины Пизанской и Жоффруа де Шарни к роли Фортуны на войне дополняют друг друга в стремлении уменьшить её влияние и вывести человека из-под её власти. Шарни дискредитирует положительное влияние. Земные дары он порицает за недолговечность, воспевая усердный труд, способный обеспечить и более прочное положение на земле, и даже повлиять на участь на небе. В трактате Оноре де Бове присутствует осознание разницы между “плохой” и “хорошей” Фортуной, но идея ограничения её пагубного влияния ещё не проявлена. Кристина Пизанская упоминает Фортуну эпизодически, но эти упоминания формируют цельный образ: постоянный источник опасностей и частая причина поражения. Единственный способ избежать неудачи – тотальная осмотрительность во всех аспектах войны. Главная цель – минимизация роли случая в военном ремесле, противостояние невезению. Так и положительная, и отрицательная сторона Фортуны встречают сопротивление человеческой воли, которая стремится увеличить свою независимость. Английские произведения второй половины XIV – первой четверти XV вв. демонстрируют схожую с трактатами картину представлений, однако не являются источником “нового”, а воспринимают его извне. Идеи зарождаются в рассуждениях на страницах трактатов, перетекая отсюда в художественные и исторические сочинения. Ключевые изменения в представлениях о роли Фортуны на войне происходят именно в этот период и характеризуются активным стремлением увеличить значение человеческого фактора, сокращая роль случая. Как и для гуманистов, в военной сфере представления о свободе человека формируются именно в борьбе с Фортуной.

Примечания

1. “Pour miez cognoistre les estas de fortune en ce mestier”.
2. “L’en ne se droit point fier es biens de fortune”.
3. “Mais, se vous avés volenté de estre sages et vous y travailliés et par vostre travaille Dieux vous fait celle grâce que vous le soyés et par cela vous soiés eshauciés ycils biens n'est mie de fortune”.
4. “Il vous doivent valoir et durer ainsi comme pèvent durer les biens de ce monde”.

5. “Il vous doit durer, mès que vous le sachiés garder honestement gouvernant vous primièrement et autres se besoins estoit”.

6. “Car se vous estes sages vous ne ferés fors bien et ne vous devés excuser de estre pseudoms et loyaux car c'est le plus grant bien et le plus souverain qui soit”.

7. “Car il n'est mie sages qui veult, ne n'est pas preux, qui veult, ne si n'est mie riches qui veult; mais nuls ne se doit, ne ne peut excuser qu'il ne soit pseudome et loyaux, qui veult”.

8. “Mais ceuls qui sont renommés de sens, et il ne le sont mie et ceuls qui sont renommé d'estre pseudomme, et il ne le sont mie et ceuls qui sont renommés d'onneur de fait d'armés, et il ne le vaillent mie, et ceuls qui ainsi sont seurmontés en grans hautesces et en grans richesses et es grans estas et sans nulle deserte. Quant ycelles gens sont seurmontés et de tele fortune, si n'en scèvent user fors si desmesurément”.

9. “Pour le foible fondement sur quoy elle est fondée, convient qu'elle chée fonde et descende désordenément par ces mesmes degrés à perte et à nient, dont il ont pis assés de la descendre que ce qu'il y fussent onques eus montés en celle hautesce”.

10. “Car la raison est tousjours plus segure et plus ferme et de longue durée que les fortunes ne sont qui tousjours sont appareillies de cheoir”.

11. “Et moult de fois avient comme par avant est dit, en fait d'armes de batailles, que li moins desconfisent le plus, et moult de fois avient que li pis ordenés sur les champs desconfisent ceuls qui sont en bon ordenance, et moult de fois est venu que les moindres et foibles ont desconfis les plus grans et les plus haus en tous estas qu'il ne estoient”.

12. “Mes toutevoies, se li moins rencontrent le plus, et les plus fêbles rencontrent les plus fors et les mal ordenés rencontrent ceuls qui sont en bonne ordenance, et ainsi le vouloient faire et continuer longuement ne leur pourroit durer ceste fortune que elle ne deust cheoir par droite cognoissance de la raison”.

13. “Et s'il est ainsi que par vostre grant bien et de vostre bon sens vous avés fait services, ou de vostre bon travail honorablement, combien que vous soiés de bas estat, que vous soiés enhauciés en grant et en haut estat de possession et d'autres biens de ce monde, ycils biens qui par la grâce de Dieu sont ainsi venus ne sont mie bien de fortune”.

14. “Et pour ce n'est-il nuls, tant soit petit ou de petit estat, que, se il veult desservir et traveillera faire le bien, que li bien ne li viengne si merveilleusement qu'il ne le sauroit souhaidier mieux, ne que Diex li donne avecques la bonne renommée”.

15. “Et ceuls qui veulent avoir les grans biens et honnours sans peine et sans travaux en y prennant toutes leurs aises et leurs délices, iceles gens le pèvent assés attendre, mais jà n'en auront nul”.

16. “Or veés-vous donques que les biens qui sont bien comparés et bien desservis, sont cil qui par raison doivent venir et durer à plus grant perfection tant de l'âme comme du corps”.

17. “Et belle grâce et grans vertus est en ceuls qui séculièrement pèvent mener teles vies, dont les corps pèvent honorément en cest siècle conduire leurs âmes en paradis en l'autre”.

18. “Et nulle mélencolie no vous en devés donner, se vos besoignes ne sont si bien faictes, ne se portent si bien par autrui comme par vous ou en vos personnes, se vous y estiés”.

19. “En vn certain iour il serroit sure marches de France, ou il prendroit sez aventures”.

20. “Mais com aventure de gerre le aporloit”.

21. “As fortune wolde fulsun hom”.

22. “Quia tunc debet imputari fortunae suae”.

23. “Sic a simili diceremus duellantem cadentem sublevari, quod est absurdum”.

24. “Vous pouvez plainement veoir comment fortune quand elle vient met tantost ung homme au dessus et tost le retourne à neant”.

25. “Hector de Troyes fat expert chevalier / Mais en la fin il trouva encombrer. / Salomon sceut par science comprendre / Trestoutle sens qu'on pourroit assembler, / Mais fortune lui fist femme

repandre / Et Dieu laisser et du tout oublier. / Juius Cesar le prince tant vaillant / Si receut mort assez vilainement. / C'est dont fortune qui tant fait avancer / Et puis si fait sa roue tresbucher”.

26. “Confiant de sa bonne fortune”.

27. “Quant les Rommains virent leur male fortune”.

28. “Et se Dieu lui donne ceste discretion qu'il fasse bien regarder lieu et temps, je dy à la verité qu'il est bon roy et digne de regenter et de tenir terre et de avoir fortune en ses guerres et en ses affaires”.

29. “And seyde: 'Lord, to whom Fortune hath yiven / Victorie, and as a conquerour to liven”.

30. “To whom that fortune yeveth so fair a grace”.

31. “Of purveyaunce of God, or of fortune”.

32. “Et interim venerunt Regi ambassiatorez solempnes ex parte Scottorum ad tractandum pro liberacione Regis eorum, quem ad manus serenissimi Regis genitoris sui fortuna dudum adduxerat”.

33. “Et non potuit, iudicio meo, ex vera iusticia dei, filio tam grandis confidentie infaustum quid accidere”.

34. “Cujus fortunam militiae tanquam alterius Hectoris, omnes gentes, tam Christiani quam Pagani, dum vixit incolumis, plurimum formidabant”.

35. “Alii laudaverunt Regis familiam congregandam, cum Londoniensibus, ad exeundum et obvian- dum proceribus, et experiendam Martis fortunam”.

36. “Transeamus illuc instructis armis, ut experiamur si forte nobis arrideat fortuna serenior”.

37. “Sed fortuna parti suae, immo Deus, sibi suisque robur contulit et audaciam, et de inimicis victoriam gratiosam”.

38. “Sed tandem, ut creditur, injuriam passis fortuna favit”.

39. “Impossible est jugier au vrai la fin de bataille, don't Fortune dispose”.

40. “Car est asavoir que le prince ne doit desprisier nulle puissance d'anemi, tant lui appere envers lui petit, car il ne puet savoir quel fortune l'atre ara puor soi”.

41. “Mais à cellui qui est vaincus en plainiere bataille, jasoit ce que savoir art et usage d'armes ne lui a pou prouffiter, neantmoins en son courroux puet se complaindre de Fortune, mais cellui quie est desconfit ou grevez par cautelleux agait ne s'en peut prendre que à sa meismes coulpe, car il l'eust peu eschever, s'il eust esté aussi songneux de sa garder comme son ennemi fu à le seurprendre”.

42. “Le chevetaine à qui est commis si grant chose comme la baillie et charge de la noblesce de la chevalerie, le fait du prince, la chose publique, la seureté des citez et la fortune des batailles doit estre non pas sans plus en general sur tout l'ost, maiz en particulier sur chascun, car se riens mesavient, le commun dommage est atribuez à sa coulpe”.

43. “C'est assavoir que mieulx vault petite quantité de gent, bien ensegee et duite d'armes par continuel exercice de tout ce qui avenir peut en la douteuse eventure des batailles”.

44. “Dient les saiges d'armes que quant bonne fortune vient à l'une des parties si que elle vainque en bataille, doit poursuivre du tout jusques en fin sa bonne fortune tant que elle dure, endementiers que ses ennemis sont effroïés”.

45. “Et pourtant ne se doit desesperer le bon chevetain, quelque soit la fortune contre lui, s'il est saiges, car souvent avient que, par bonne escheance et proprice fortune, ceux qui avoir cuident tout gaigné s'eslievent en arogance, et par ce moins sagement que ilz ne doivent s'emantent, sur leurs ennemis, lesquelz bien avisez les reçoivent par grant aquillie et ruent jus”.

Библиография

1. Горбунова М. А. Иконография Фортуны в XV веке и её социально-политический контекст // Вестник МГХПА. М. 2017. Вып. 1. С. 158-169.

2. Горбунова М. А. Средневековая Фортуна: образы, тексты, смыслы // Искусствознание. М. 2019. Вып. 1. С. 124-151.

3. Кудрявцев О. Ф. Античные представления о Фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М.: Наука, 1984. С. 50-57.
4. Уколова В. И. Фортуна в мире западноевропейского Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М. 2005. С. 174-184.
5. Bonet, d'Honoré. L'Arbre des batailles // Éd. E. Nys. Bruxelles, Leipzig: C. Muquardt, Londres, New-York: Trübner & Co, Paris: Durand & Pedone-Lauriel, 1883.
6. Chandos Herald. Life of the Black Prince // Ed. by M. K. Pope, E. C. Lodge. Oxford: Clarendon Press, 1910.
7. Chaucer, Geoffrey. The Complete works of Geoffrey Chaucer // Ed. by W. W. Skeat. Vol. 4. Oxford: Oxford University Press, 1900.
8. Christine de Pizan. Le livre des fais d'armes et de chevalerie // Éd. L. Dugaz. Paris: Classique Garnier, 2021.
9. De Charny, Geoffroi. Oeuvres de Froissart: Chroniques: 25 vols. // Éd. M. le baron Kervyn de Lettenhove. T. 1 (2). Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. PP. 463-533.
10. Doren A. Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. B., Leipzig. Vol. II. 1922-1923. T. I. SS. 71-144.
11. Frakes J. C. The Fate of Fortune in the Early Middle Ages. Leiden, N.-Y., København, Köln: E. J. Brill. 1988.
12. Gesta Henrici Quinti. The deeds of Henry the Fifth // Ed. F. Taylor, J. S. Roskell. Oxford: Clarendon Press, 1975.
13. Giovanni da Legnano. Tractatus De Bello, De Represaliis et De Duello // Ed. T. E. Holland. Oxford: Oxford University Press, 1917.
14. Gray, Thomas. Scalacronica // Ed. J. Stevenson. Edinburgh: Edinburgh Printing Company, 1836.
15. Minot, Laurence. The poems of Laurence Minot // Ed. J. Hall. Oxford: Clarendon Press, 1914.
16. Patch H. R. The Goddess Fortuna in medieval literature. N.-Y.; Octagon Books, 1967.
17. Patch H. R. The Tradition of the Goddess Fortuna in Roman Literature and in the Transitional Period // Smith College Studies in Modern Languages. Vol. 3. №. 3. Northampton, Mass.: Smith College, P.: Librairie E. Champion, 1922. PP. 131-177.
18. Pisani P. L'iconografia della ruota della fortuna. Verona: QuiEdit, 2011.
19. Platner S. B. The Topography and Monuments of Ancient Rome. Boston: Allyn and Bacon, 1911.
20. Sir Gawayne and the Green Knight: an alliterative romance-poem // Ed. R. Morris. L.: Trübner & Co, 1869.
21. Walsingham, Thomas. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani: 2 vols. // Ed. H. Rily. L.: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1863-1864.

**CONCEPTS ON THE ROLE OF FORTUNE IN THE WAR IN ENGLISH AND FRENCH
NARRATORY SOURCES OF THE SECOND HALF OF THE XIV - THE FIRST
QUARTER OF THE XV CENTURIES**

Belyaev A. Yu.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article provides a detailed analysis of the ideas about the role of Fortune in military operations among a number of iconic thinkers, chroniclers and poets from England and France in the second half of the 14th - the first quarter of the 15th centuries. In the domestic scientific literature, the medieval image of Fortune has been studied in detail, but the military aspect is considered for the first time. It does not introduce fundamental changes into the classical tradition, but contains a number of nuances that complement modern studies of medieval ideas about war. The main subject of the study is the perception of the role of Fortune in the description and understanding of hostilities. Treatises on military affairs, as well as historical and literary works are used as sources. The author of the article demonstrates the main trend and the main stages in the formation of attitudes towards Fortune. The general logic consists in the growing opposition of man to self-willed luck and his desire to limit its influence. In the middle of the XIV century, the hope of accidental luck comes under attack, instead of it, their own efforts are promoted. In the second half of the century, the division of the positive and negative sides of Fortune manifests itself, and the beginnings of the idea of opposing its harmful influence arise. Finally, at the beginning of the 15th century, a conscious desire to protect oneself with caution from possible bad luck was fully formed. The positive and negative influence of Fortune is reduced to a minimum, and in opposition to them, the notion of human creative freedom, characteristic of the Renaissance, is born. The main engine in the formation of this attitude is the French authors, while the English mostly follow in line with the established tradition, adopting new changes, but not creating them.

Key words: history of the Middle Ages, military history, history of England, history of France, Fortune, medieval treatises, medieval historiography.